

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent Islamic University
Belarusian State University
Secondary school № 171, Moscow

**ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY
AND PRACTICE
OF PHILOLOGICAL RESEARCHES**

Materials of the VIII international scientific conference
on March 25–26, 2018

Prague
2018

Actual problems of the theory and practice of philological researches: materials of the VIII international scientific conference on March 25–26, 2018 – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – 51 p. – ISBN 978-80-7526-285-1

ORGANISING COMMITTEE:

Elena N. Serdobintseva, doctor of philological sciences, professor of Penza State University.

Zahijan M. Islamov, doctor of philological sciences, professor, vice-rector of the Tashkent Islamic University.

Mariya V. Gay, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, teacher of Secondary school № 171, Moscow.

Olga Yu. Shimanskaya, candidate of philological sciences, assistant professor of the foreign languages department of Belarusian State University.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines actual problems of the theory and practice of philological researches. Some articles deal with theoretical and methodological problems of philological researches. A number of articles are covered issues of teaching methods of the disciplines of philological cycle. Some articles are devoted to the issues of general and particular linguistics. Authors are also interested in urgent questions of rhetoric, speech culture, communication theory.

UDC 81+82

ISBN 978-80-7526-285-1

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2018.
© Group of authors, 2018.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Лепетюха А. В.

Контаминированные полипредикативные высказывания с перцептивным и контролирующим финитными предикатами (на материале современной французской художественной прозы)5

Baklagova Ju. V.

The causative verb «move» in English: the semantic aspect9

II. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

Орлова С. А., Андросов Д. И.

Использование иностранных слов в дисциплинах экономического и финансового цикла 12

Соколова Е. Н.

Система агиотопонимов в древнерусских памятниках письменности XI–XIII вв. 14

III. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

Бабаева Р. Р.

Религиозная терминология в заимствованиях английского языка 22

IV. URGENT QUESTIONS OF RHETORIC, SPEECH CULTURE, COMMUNICATION THEORY

Пісарэнка А. М.

“У будучыню дзверы не ў часе, а ў душы”: афарыстычныя эскізы мастацкага маўлення..... 25

V. THE LANGUAGE, CULTURE AND MENTALITY AS IMPORTANT AREAS OF MODERN LINGUISTICS

Воронина Л. В., Бондарев В.

Лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие номинацию российского вооружения и техники30

Заонегина В. В.

Социолингвокультурная проблема провинциального города на примере исследования рекламных текстов33

VI. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

Луговская В. М.

Лингвостилистические средства создания речевого портрета персонажа в рассказе Джеффри Арчера «Never Stop on the Motorway»38

Ненахова Д. С.

Лингвостилистическое своеобразие рассказа Р. Дала «The Way Up to Heaven»42

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 2018 году.....46

Информация о научных журналах 48

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 49

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 50

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПЕРЦЕПТИВНЫМ И КОНТРОЛИРУЮЩИМ ФИНИТНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ

(на материале современной французской художественной прозы)

А. В. Лепетюха

*Кандидат филологических наук, доцент,
Харьковский национальный
педагогический университет
имени Г. С. Сковороды,
г. Харьков, Украина*

Summary. In this paper the structural and semantic peculiarities of synonymic contaminated polypredicative utterances with finite predicates of control and of perception are studied and the transformational processes of analyzed structures' formation are inversely reconstructed. By the medium of linguistic experiment the level of co(n)textual pertinence of primary proposition and of reduced discourse innovation is defined.

Keywords: contaminated polypredicative utterance; discourse innovation; pertinence; predicate of control; predicate of perception; synonymic.

Контаминированные полипредикативные высказывания (далее – ППВ) рассматриваются в статье как феноменологически редуцированные синонимические речевые инновации, формирующиеся в поверхностном слое сознания в результате трансформации виртуальной (языковой) первичной (стержневой) полипредикативной пропозиции, которая, в свою очередь, строится по образцу подсознательных сублингвистических схем – типовых моделей, «минимальных единиц ментальной информации» [3, с. 48], образующихся в процессе феноменологического реконструирования субъектом речи бытия и его структур и категорий.

Контаминированные ППВ представляют собой однобазовые (с одной терминальной цепочкой) трансформы стержневой пропозиции, которая идентифицируется адресатом с помощью метода обратной реконструкции (речь → язык) и ко(н)текстуальная непертинентность которой определяется посредством лингвистического эксперимента-языковой игры адресата, то есть подстановкой всех членов виртуального синонимического ряда в определённое ко(н)текстуальное окружение.

Среди контаминированных ППВ выделяем конструкции с предикатами перцепции, относящимися к COD (прямому дополнению), типа: Р перцепции + COD + Inf (где Р – предикат, Inf – инфинитив) и ППВ с «конт-

ролирующими предикатами» [11, с. 219; 12, с. 23], построенные по модели: Р + COI + (D) + Inf (где COI – не прямое дополнение, D – препозитивный «стимулятор» [1, с. 127] идентификации референта).

Большинство французских лингвистов указывают на двойную комплементарность перцептивных ППВ. Так, Ж. Гард-Тамин определяет перцептивные структуры как «глаголы с двумя прямыми дополнениями, где агент действия и инфинитив являются дополнениями глагола-оператора, между которыми не существует настолько узкой связи, как между сказуемым и подлежащим» [2, с. 59]. Ж. Муанье говорит о дискурсивном сближении двух синтаксически независимых «режимов» одного глагола: номинального и квазиноминального [9, с. 127]. К. Мюллер рассматривает перцептивные ППВ как один из случаев «актантного наращивания»: актантная позиция, в которую входит предикат-инфинитив раздваивается, при этом инфинитив (и его дополнения), с одной стороны, и первый актанта предиката в инфинитиве, с другой стороны, входят в новую актантную последовательность. Интеграция в ту же самую позицию финитного глагола влечёт за собой удаление одного из дополнений [10, с. 397–398]. Таким образом, актантное наращивание представляет собой отдельный случай двойной прямой комплементарности, не существующей независимо от инфинитива.

Н. Рюве выявляет определённый континуум между ППВ с финитными перцептивным и контролирующим предикатами, поскольку субъект действия носит «неагентивный характер» [12, с. 24], а объект является актантным субъектом. При этом основную разницу между анализированными типами ППВ С. Поллар и И. Саг видят в том, что в перцептивных ППВ идентификация актантного субъекта осуществляется посредством полного распределения семантики между глаголом перцепции и инфинитивом-аргументом с «синтаксическим дефицитом»; с другой стороны, в ППВ с контролирующим предикатом субъект-актант идентифицируется путём «соуказания» двух предикатов [11, с. 220]. Перцептивные ППВ характеризуются селективной валентностью, поскольку предикаты физической и чувственной перцепции *voir, regarder, entendre, écouter, sentir* и т. д. сочетаются с ограниченным количеством инфинитивных аргументов; ППВ с контролирующими предикатами типа *dire de, écrire de, interdire de, recommander de, proposer de* и т. д. являются поливалентными синонимическими речевыми инновациями.

В исследуемых ППВ наблюдается «прозрачность» [5, с. 161; 6, с. 8], или семантический дефицит перцептивного и контролирующего глаголов, и синтаксический дефицит контролирующего глагола. Выделяем такие типы семантико-синтаксических отношений между компонентами ППВ с активным и неактивным актанта инфинитива с перцептивными и контролирующими финитными глаголами: 1. Р перцепции (семантический дефицит) + анте-, интер- или постпозитивный COD Н (существо) или NH (предмет) + Inf (семантико-синтаксический дефицит); 2. Р перцепции (семан-

тический дефицит) + Inf (семантико-синтаксический дефицит); 3. Контролирующий Р (семантико-синтаксический дефицит) + анте- или интерпозитивный СОИ (Н) + Inf (семантико-синтаксический дефицит); 4. Контролирующий Р (семантико-синтаксический дефицит) + Inf (семантико-синтаксический дефицит).

Среди анализируемых перцептивных синонимических конструкций различаем ППВ с финитными предикатами физической и чувственной перцепции с активным и неактивным инфинитивным актантом:

(1) *Je le méprisais d'être aussi indulgent.* [8, с. 140]

(2) *Je vois vos cheveux pousser, vos ongles s'allonger, vos rides se creuser.* [4, с. 53]

(3) *On entendait courir dans les couloirs.* [13, с. 241]

ППВ (1) с предикатом чувственной перцепции (*mépriser*) и с активным препозитивным актантом-Н (*le*) является редуцированной речевой реализацией первичной пропозиции с субьюнктивом в придаточной части: *je méprisais qu'il fût aussi indulgent*. Контаминированное синонимическое ППВ (2) с интерпозитивными активными инфинитивными актантами-НН представляет в речи первичную пропозицию с несколькими дополнительными придаточными: *Je vois que vos cheveux poussent, que vos ongles s'allongent, que vos rides se creusent*. В ППВ (3) со стержневой пропозицией: *On entendait qu'on courait dans les couloirs* имплицитруется инфинитивный актант-Н (*солдаты*), эксплицитующийся в посттексте: *On entendait courir dans les couloirs. En s'approchant de la fenêtre, Armand vit des soldats qui entassaient des ballots sur une charette.*

Французские писатели используют проанализированные ППВ с целью избежать синтаксического (сложные полипредикативные структуры) и / или грамматического (субьюнктив) усложнения дискурсивных фрагментов. В последнем примере автор имплицитует один из прономинальных компонентов *on*, маркирующих разных референтов.

Предикаты перцепции приведённых выше примеров характеризуются семантическим дефицитом, а инфинитивы-дополнения – семантико-синтаксическим дефицитом: *Je méprisais. Je vois. On entendait.* – структурно возможные, но семантически неполноценные конструкции; *D'être aussi indulgent. Vos cheveux pousser, vos ongles s'allonger, vos rides se creuser. Courir dans les couloirs.* – дефицитные в семантико-синтаксическом плане структуры, которые могут функционировать в речи как парцелляты.

В синонимических ППВ с контролирующими предикатами имплицитруется или эксплицитруется инфинитивный актант-Н:

(4) *Ton ami t'a dit de la fermer et tu obéis* [14, с. 350]

(5) *Émile propose de lui faire un signe depuis la fenêtre, mais ce n'est pas sans risque.* [7, с. 31]

В примере (4) с препозитивным активным актантом (*te*) инфинитив вводится контролирующим предикатом *dire*, который определяется линг-

вистами как «нейтральный глагол-инициатор, поскольку он употребляется как для обозначения прямой, так и косвенной монологической и диалогической речи, за исключением актуализации слов» [15, с. 106]. Первичная структура контаминированной части сложносочинённого ППВ (4) выглядит так: *ton ami a dit que tu la fermâsses*. В редуцированной инициальной речевой инновации примера (5) с первичной пропозицией: *Émile propose que Jacques lui fasse un signe depuis la fenêtre* имплицитно инфинитивный актант-Н, детерминирующийся в претексте: *Jacques est perplexe. Émile propose de lui faire un signe depuis la fenêtre, mais ce n'est pas sans risque*. Анализируемые сложносочинённые структуры с контаминацией также реализуются писателями с целью избежать дополнительной «перегрузки» ППВ субьюнктивными придаточными высказываниями и реактуализации ко(н)текстуализированных референтов (*Jacques*) (для примера 5).

В ППВ с контролирующими предикатами наблюдается семантико-синтаксический дефицит обеих предикативных частей: *Ton ami t'a dit. Émile propose. De la fermer. De lui faire un signe depuis la fenêtre*. – синтаксически и семантически неполноценные структуры, актуализирующиеся в определённом ко(н)тексте как парецелляты.

Таким образом, актуализация синонимических контаминированных ППВ обусловлена коммуникативным намерением автора, которое распознаётся реципиентом информации благодаря обратной реконструкции виртуальных трансформационных процессов и лингвистическому эксперименту, позволяющему обосновать ко(н)текстуальную пертинентность редуцированной структуры.

Библиографический список

1. Charolles M. La référence et les expressions référentielles en français. – Paris : Éditions Ophrys, 2002. – 285 p.
2. Gardes-Tamine J. La Grammaire. – Paris : Armand Colin, 2010. – 192 p.
3. Gineste M.-D. De la phrase à la proposition sémantique: un point de vue de la psychologie cognitive du langage // L'information grammaticale. – 2003. – № 98. – P. 48–51.
4. Giraudoux J. Amphitryon 38. – Paris : Bernard Grasset, 1983. – 192 p.
5. Gross M. Méthodes en syntaxe. – Paris : Hermann, 1975. – 414 p.
6. Langacker R. Raising and transparency // Language. – 1995. – № 71. – P. 1–62.
7. Levy M. Les enfants de la liberté. – Paris : Éditions Robert Laffont, 2007. – 152 p.
8. Maurois A. Climats. – Paris : Grasset, 1986. – 256 p.
9. Moignet G. «Existe-t-il en français une proposition infinitive ?» // Grammaire générative transformationnelle et psychomécanique du langage. – 1973. – P. 125–138.
10. Muller C. «Transitivité, prédications incomplètes et complémentation infinitive en français» // La Transitivity. – 2000. – P. 391–402.
11. Pollard C., Sag I. Head-driven Phrase Structure Grammar. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 454 p.
12. Ruwet N. «Montée et contrôle : une question à revoir ?» // Analyses grammaticales du français. Études publiées en hommage à Carl Vikner. – 1983. – № 124. – P. 17–37.
13. Troyat H. Le Moscovite. – Paris : «J'ai lu», 1974. – 256 p.
14. Vargas F. Pars vite et reviens tard. – Paris : Éditions Magnard, 2006. – 400 p.

15. Vincent D., Dubois S. Le discours rapporté au quotidien. – Québec : Nuit Blanche Éditeur, 1997. – 149 p.

THE CAUSATIVE VERB «MOVE» IN ENGLISH: THE SEMANTIC ASPECT

Ju. V. Baklagova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia*

Summary. The article deals with the semantic features of the causative verb «move» in English. All the meanings are divided into transitive and intransitive ones. The presence of the seme «instigation for an object to act, to change the state or quality» predetermines the causative meaning.

Keywords: causative verb; cause-and-effect-relations; lexical causative; contact causation; taxonomic category.

The causative is acknowledged as the universal language category which indicates cause-and-effect-relations in the world linguistic practice. The category of cause-and-effect-relations is one of the leading ontological categories in the scientific picture of the world. The terms «causation» и «causality» denote the cause-and-effect-connection between two events of the real actuality or two situations, whereby one situation causes another one.

Depending on the means of expressing causative semantics one distinguishes lexical causative and grammatical causative. The term «lexical causative» is applied to the autonomous verbs which have the component «to cause» in their semantic structure and which express concrete actions, i.e. the verbs *build, burn, destroy* in English. The term «grammatical causative» is applied to analytical verbs, i.e. the verbs *let, make, have and get* in English.

We follow the definition of causative verbs given by M.V. Vsevolodova: «causative verbs are actional verbs with the meaning of intellectual, mental, physical, social action which is directed at another person or object, resulting in taking an action, having a state or changing a quality [4, p. 58].

This paper is devoted to the semantic analysis of the lexical causative verb *move* in English. The verb *move* has several meanings. Some of them are transitive, others – intransitive. The differential sign of a causative verb is transitivity. Therefore, intransitive verbs can't be causative verbs. Let's consider causative meanings of the verb *move*.

The first meaning is «to change from one place or position to another, or to make something do this» [1, p. 1075]. The peculiarity of this meaning is that it can be both transitive and intransitive. The lexical entry proves it. The first part of the definition «to change from one place or position to another» is defi-

nately intransitive because an intransitive verb does not have an object. A transitive verb is one that is used with an object: a noun, phrase, or pronoun that refers to the person or thing that is affected by the action of the verb. And so, the second part of this definition «to make something do this [change from one place or position to another]» is transitive.

The first meaning represents two causative patterns – causative and decausative. The meaning «to make something do this [change from one place or position to another]» can be considered the causative one as it meets the causative demand. It describes an action which is directed at another person or object, resulting in taking an action, having a state or changing a quality. If we move an object, the state of the object changes because its location changes. The semantics of this meaning contains the seme «instigation for an object to act, to change the state or quality».

The meaning «to change from one place or position to another» is decausative. Decausative is a type of derivation which denotes the agent-free use of a causative verb. Decausative is derived from causative and defined by means of causative. The meaning «to change from one place or position to another» denotes the spontaneous action which coincides with the first causative meaning but without the seme of causation.

The essential feature of every causative verb is its taxonomic category. The taxonomic category coincides to the definite type of an extralinguistic situation and shows how the content of a situation is distributed over time [3].

The taxonomic category of the first causative meaning «to make something do this [change from one place or position to another]» is «action». The obligatory structural components of the taxonomic category «action» are the subject of an action (agent), the object (patient) and the goal of an action. The goal is the change in the state of an object. The result consists in the new state of an object. This is an accurate representation of the semantic entity of the verb *move* in this meaning. Let's consider the contexts:

(1) He *moved* the cupboard to another wall.

(2) He tried to *move* the car which blocked the road. But he couldn't do it.

The taxonomic category «action» presumes the result. In context (1), there is an evident result which reveals itself in the emergence of a new state of an object. In context (2), the taxonomic category can't be «action» because there isn't any result and the object hasn't changed its location. It is fitting to establish the taxonomic category «activity» in this context. «Activity» is a type of a situation which is close to the category «action». The taxonomic category «activity» presumes an agent, i.e. the expedient acting subject, as well as the category «action». «Activity» differs from «action» in the manner of termination. «Activity» is a non-terminative situation as it can be interrupted, but it can't be drained by the natural termination. If the verb in the taxonomic category «activity» has a direct object that means that we deal with the subcategory «activity-transitive». This subcategory characterizes the semantics of the verb *move* in context (2).

Another important feature of causative semantics is the manner of causation, i.e. the manner of affecting the object. It can be contact or distant [2, p. 90]. Contact causation implies the direct effect of one thing on another one. Distant causation means the mediated relations between a subject and an object and doesn't mean the unity of action's time and place. The manner of causation in the causative meaning described above is a contact one.

The second meaning is «if a person or company moves, or if you move them, they go to live or work in a different place» [1, p. 1075]. This meaning can also be both transitive and intransitive. Let's compare the following contexts:

(3) He later *moved* with his family to Canada.

(4) He *moved* home several times when he was a teenager.

The verb *move* has its transitive meaning only in context (4) because it has a direct object. However, moving to a new place causes the new location of a subject but the object doesn't undergo significant changes. That means that the second meaning can't be considered the causative one.

Other transitive meanings of the verb *move*, for instance «to persuade someone to change their opinion», «to make someone feel strong emotions, especially of sadness or sympathy» and others, can't be causative. It is because their semantics doesn't denote cause-and-effect-relations.

In that way, there is only one causative meaning in the variety of the definitions of the verb *move*. This causative meaning presumes the semantic structure which is based on the key seme «instigation for an object to act, to change the state or quality». The taxonomic category of the verb in this meaning (type of an extralinguistic situation) can be «action» or «activity-transitive». The manner of causation is a contact one.

Bibliography

1. Longman Dictionary of Contemporary English. Edinburgh: Pearson Education, 2009. 1950 p.
2. Shibatani M., Pardeshi P. The Causative Continuum // The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002. P. 85–126.
3. Kustova G.I., Paducheva E.V., Rosina R.I. Г. The system «Lexicograph»: a lexicographic project «Dynamic Semantics of Russian Verbs». URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/02PrjTheory1.htm> (reference date: 10.03.2018).
4. Vsevolodova M.V. The theory of functional-communicative syntax. M.: MSU, 2000. 502 p.

II. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В ДИСЦИПЛИНАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ФИНАНСОВОГО ЦИКЛА

С. А. Орлова

*Кандидат экономических наук, доцент,
Орловский государственный
университет экономики и торговли,*

Д. И. Андросов

*студент,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Среднерусский институт управления –
филиал,
г. Орел, Россия*

Summary. Language – this main means of communication between people. One of the most live and socially significant processes occurring in modern Russian language is the process of activation of the use of foreign words. The article analyzes foreign borrowings in the vocabulary of modern economics business, finances and law, which have strongly entered into modern Russian society.

Keywords: banking sector; financial vocabulary; vocabulary of economics.

Язык – это самое главное средство коммуникации между людьми. «...О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!», – так выражал свою любовь к родному языку писатель-орловец Иван Сергеевич Тургенев в 1882 году.

Вместе с развитием человеческой цивилизации русский язык изменяется, совершенствуется. Но в настоящее время печально осознавать, что он практически «засорен» иностранными словами и терминами. По проведенным исследованиям ученых филологов и лингвистов, в общем, повседневном обиходе мы употребляем до 80 % русских слов. Хотя сегодняшнее молодое поколение больше ориентируется на западные, более лаконичные слова и выражения. Им так проще общаться. Когда они начинают осваивать какие-либо сферы деятельности, учиться профессии – финансиста, экономиста, то здесь они также сталкиваются с иностранными терминами, принятыми в различных областях. А вот здесь уже доля русских слов составляет – 18,8 % [1].

В результате развития тесных взаимоотношений со странами Западной Европы в сферу экономической деятельности все активнее стали проникать финансовые и экономические термины, которые считались до этого пережитками мира капитализма. Например, оффшор (англ.), биржа (нем.),

банк (итал.), фьючерс (англ.), аванс (франц.), банкнота (англ.) валюта (итал.), ипотека (греч.), капитал (франц.), банкир (нем.) и т. д. [3].

Возможно, есть ряд понятий, которые нечем заменить в русском языке, тогда эти слова прочно входят в разряд экономических и финансовых терминов, употребляемых в России. Но при этом, мы можем при переводе либо расширить значение этого понятия, либо наоборот, сузить его. Так, «рандомизация» от англ. слова «randomization» – располагать что-то в случайном порядке. Сначала его употребляли как понятие «случайная выборка». А уже затем на финансовых и фондовых биржах он стал использоваться, как «размножение текстов и статей для получения множества новых текстов с помощью подбора синонимов для поисковых машин». Это расширение понятия. А вот финансовый термин инсайдер в Российской Федерации обозначал «информаторы на финансовых биржах, где они продают информацию при покупке или продаже акции тех или иных компаний». В английском языке у него более одного понятия:

- это «персонал на территории АЭС»;
- «персонал на территории ТЭС».

Это показывает сужение понятия [4].

По-нашему мнению, если есть возможность замены иностранного термина русским словом без изменения значения, то необходимо использовать русские слова. Например, «конвертация» – «обмен», «перевод», «инвестиция» – «вложения», «лимит» – «ограничения», «инфляция» – «обесценение денег» и т. д. Здесь можно привести слова великого русского поэта А. С. Пушкина: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими» [2].

Однако, в противовес этим словам, выражение известного русского критика В. Г. Белинского: «Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную в нем мысль, – если чужое лучше выражает ее, чем свое, давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хлама».

Таким образом, если русское слово может полностью выразить содержание, стиль и смысловую окраску термина, то необходимости в замене его и употреблении иноязычным словом нет.

Библиографический список

1. Балакина Ю.В., Висилицкая Е.М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации [Текст] // Вестник ВГУ. С 2015. №3. С. 13-14.
2. Ещеркина Л.В., Сусоева А.С. Английские неологизмы в сфере экономики [Текст] // Управление в современных системах. 2017. №1(12). С. 32-38.
3. Рузметов С.А. Об иноязычных заимствованиях в экономической лексике современного русского языка [Текст] // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 967-969.
4. Яхина Р.Р., Ильдуганова Г.М. Особенности модификации заимствований англоязычного происхождения на материале экономической и финансовой терминологии [Текст] // Вестник Вятского государственного университета. 2015. №6. С. 67-71.

СИСТЕМА АГИОТОПОНИМОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XIII ВВ.

Е. Н. Соколова

Доктор филологических наук, доцент,
Тюменский государственный
университет,
г. Тюмень, Россия

Summary. The article is devoted to the topical problem in modern linguistic science – reconstruction Old Russian's system of geographical names. Old Russian church and secular texts of the 11–13th centuries are considered as important sources for the description of structure of proper names. The main etymological, historical and cultural and characteristics of names of monasteries and temples and ways of their representation in written sources are specified.

Keywords: Old Russian language; geographical names; historical and cultural context.

Изучение состава и функций древнерусских топонимов является актуальной проблемой русской исторической ономастики. В рамках данного направления активно исследуется и религиозно-культурное пространство, отраженное в системе географических названий, которое явилось объектом для описания в научных трудах Е. Л. Березович, В. Я. Дерягина, А. А. Минкина, Е. М. Поспелова, В. И. Супруна, Н. М. Терехина и др.

Под *агиотопонимами* традиционно понимаются наименования географических объектов, связанных со святостью, основой для образования которых могут служить имена святых, теонимы или названия церковных праздников.

Исключительную ценность для изучения сакральной топонимической лексики представляют тексты оригинальных древнерусских памятников письменности XI–XIII вв. церковного и светского содержания. Эти произведения представляют собой сочинения религиозного нравственно-этического плана, отражающие ораторское красноречие, а также описывающие путешествие в Святую землю; и сочинения, связанные с жизнеописанием русских князей. Созданные образованными людьми своего времени, указанные произведения весьма точно и достоверно отражали фиксацию в них географических имен, среди которых встречаются единицы, не зафиксированные более ни в одном памятнике древнерусской литературы. Ценность каждой онимической единицы определяется как с точки зрения ее графической передачи и особенностей контекстуального окружения, так и с позиции отражения реального, религиозного и мифопоэтического мировосприятия.

В письменных памятниках Киевского периода упоминаются как древнерусские (славянские) по происхождению, так и иноязычные агиотопонимы, которые находились вне пределов страны и имели безусловную значимость для православного менталитета:

Боголюбиво (город во Владимиро-Суздальской земле): «кому *Боголюбиво*, а мнѣ горе лютое» [4, с. 390]. Летопись под 1155 г. сообщает об основании великим князем Андреем Юрьевичем города, названного им *Боголюбый*. В других источниках XII–XIV вв. город называется *Боголюбое*, *Боголюбье*, *Боголюб* [10, с. 111], в «Молении» – *Боголюбиво*. Название по форме представляет собой прилагательное от др.-русск. *боголюбый*, *боголюбный*, *боголюбивый* «любящий бога» [5, с. 23]. **Боголюбиво** (резиденция Андрея Боголюбского, недалеко от Владимира): «весь народ, малии, велиции, срѣтоша и въ *Боголюбивѣмъ* съ свѣщами и с кадилы» [2, с. 438]. Др.-русск. *боголюбый* «любящий бога».

Сурожь «Дивь... велить послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ... и Посулию, и *Сурожу*» [16, с. 374]. Город основан в III в. н. э. ираноязычными племенами. Ранняя форма названия, зафиксированная в греческих источниках, *Согдайя* связывается с осет. *sugdoeg* «священный»; тюрк. *Судак*; др.-русск. *Сурожь* [9, с. 399].

Асафать градъ (город Иотапаты – эллинизированное название древне-библейского города Йодфат): «Инѣгде исполчися къ *граду Асафату* приступити» [2, с. 426]. О защите города от римлян известно из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Ср. личные имена собственные: Иосафать (др.-евр. *йехо-шафат* Бог судил), Асафъ (др.-евр. *йоасаф* (бог) Яхве собрал).

Вавилонъ: «Есть же *Вавилон* отгуду вдале 40 дний» [17, с. 74]; «старци, судьи *Вавилону*» [8, с. 458]. Вавилон – один из крупнейших городов Древнего мира, столица Вавилонии, держава Александра Македонского. Название связывается с семит. *bab-Illy* – «врата Бога».

Иерихонъ/ Ерехонъ/ Ерихонъ/ Иерихонъ градъ: «того *Иерихона* Иисус Навгинъ взял и разорил до конца», «О *градѣ Иерихонѣ*» [17, с. 54]; «Человѣкъ схождаше от Иерусалима на *Ерихонъ*... Едемъ оубо Иерусалимъ сказаеться, *Иерихонъ* же миръ» [7, с. 286]; «Зде же прослави богъ Александра... яко же Иуса Наввина у *Ерехона*» [2, с. 434]. Араб. *Ариха*, иврит *Иерихо*; название или от древнего культа луны *яреах*, или от благоухания (*реах*) растительности оазиса. [9, с. 43]. Возможно, от ханаанск. *Yeriho* «принадлежащий богу месяца».

Иерусалимъ/ Ерусалимъ/ Ерусалимъ градъ/ Иерусалимъ градъ (город в Палестине); «Человѣкъ схождаше от *Иерусалима* на *Ерихонъ*» [7, с. 286]; «Радуйтеся, граде Сионъ и *Ерусалимѣ*» [1, с. 102]; «О *градѣ Ерусалимѣ*» [17, с. 48]; «похотѣхъ видѣти *градъ Иерусалимъ* и землю обѣтованную» [17, с. 24]; «христоролюбивый князь Изяславъ, иде въ святыи *градъ Иерусалимъ*» [3, с. 340], «приде Санахиримъ Асурийский цесарь на *Иерусалимъ*, хотя плѣнити *градъ* святыи *Ерусалимъ*» [2, с. 430–432], «О, маловѣрнии, слышасте казни от бога... плѣнь на *Ерусалимъ*» [13, с. 452], «потыкаемъ свѣстью в горнии *Ерусалимъ*» [8, с. 458]. Упоминается в египетских текстах XIX–XVIII вв. до н.э. как *Рушалимум*, в письменах XV в.

до н.э. *Урушалим*, в VIII в. до н. э. *Урсалимму*. Первичная форма объясняется как «город бога Шалим» [9, с. 167].

Иерусалимъ Новыи (имеется в виду Небесный Иерусалим): «принесъша крсть от *новааго иерслма*» [14, с. 97].

Магдалия: «близъ был домъ Марии Магдалыни... и то ся мѣсто зоветь *Магдалия*» [17, с. 92]. Город *Магдала* (евр. *Migdal-El* – «башня Божия»), родина Марии Магдалины, находившийся на западном берегу Тивериадского озера. Вероятно, в древности на этом месте была башня, давшая название городу.

Мира: «А от *Миръ* до Хилидония версть 60» [17, с. 30]. *Мира* (греч. *Μύρα*) – город в древней Ликии, получивший свое название от слова *мирра* – смола для благовоний. По другой версии, название связано с этрусск. *Маура* – «место Матери-богини», которое в результате фонетических изменений превратилось в форму *Мира*.

Святая Гора (так именуется полуостров Афон в Восточной Греции): «и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимъ, а на десно к *Святѣи Горѣ*» [17, с. 26]. Греч. *Αγιον Ορος* – «Святая Гора».

Севастополи: «имя мѣсту тому *Севастополи*» [17, с. 86]. *Севастополи* – «священный город» (греч. *σεβαστος* «высокопочтимый, священный», *πολις* «город»).

К отдельной группе топонимических единиц могут быть отнесены *экклезионимы*. Экклезионим – «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [6, с. 149].

В древнерусских текстах XI–XIII вв. упомянуты многочисленные названия церквей и монастырей. В структурном отношении «обычно это сложные многокомпонентные образования, в различных сочетаниях содержащие указание на название главного храма (собора) монастыря, на его местоположение и имя основателя» [11, с. 50]. В большинстве случаев экклезионимы включают географический термин, обозначающий тип обители (церковь, монастырь, лавра, дом и др.). Прочная «привязка» географического термина к топониму отражает общую тенденцию в топонимической номинации древнейшей эпохи (аналогичные примеры широко представлены в ойконимии и гидронимии). Ввиду отсутствия регламентации подобного рода названий, отмечается значительная их вариативность: Благовѣщення святаго церковь [14, 17]; Богородица Пирогощая [16]; Богородици святаыя церковь [3, 17]; Богородици святаыя монастырь [1, 17]; Богородици соборная церковь [15]; Въскресения святаго церковь/ Въскресения церковь/ Въскресения Христова церковь/ Въскресения Господня церковь, Гавриила архангела церковь, Георгия святаго церковь, Герасимовъ монастырь, Гробъ Господень/ Гробъ [17]; Димитрия святаго монастырь [3]; Евфимья святаго монастырь/ Еуфимьевъ монастырь, Ивѣрьскый монастырь, Иоанна Златоустаго монастырь, Иоанна Предтечи святаго монастырь/

Иоанна святого монастырь/ Иоанновъ монастырь, Иоанна Предтечи церковь, Иосифа святого церковь, Иисуса Христа церковь, Каламония [17]; Марии святыя богородици церковь [14]; Мины святого монастырь [3]; Михаила архангела церковь [1]; Николы святого монастырь [3]; Печерская церковь [15]; Печерский монастырь/ Печерский монастырь [3, 15]; Прѣмудрости домъ божии [14]; Преображения святого церковь/ Преображения церковь [17]; Рождество святыя богородици [2]; Савы святого лавра [17]; Святая гора [3]; Святая Святыхъ церковь/ Святая Святыхъ, Сиона святого церковь/ Сионская церковь [17]; Софии святая церковь, София святая [16]; Стефана Первомученика церковь, Студийский монастырь [3]; Успения святыя богородици церковь [17]; Федосиевъ монастырь/ Феодосия монастырь [3], Феоктиста святого монастырь, Харитона святого монастырь [17]; Христа церковь [1]; Христова рождества церковь [17]; Честнаго Креста монастырь [1].

Благовѣщенна святого церковь (церковь Благовещения, построенная Ярославом Мудрым на киевских Золотых воротах): «И ту есть *церкви* создана над пещерою тою святою во имя *святого Благовѣщенна*» [17, с. 100]; «*цркъвь* на великихъ вратѣхъ създа въ имя первааго господьскааго праздника *стааго блговѣщенна*» [14, с. 97].

Богородица Пирогощая (речь идет о церкви Богородицы Пирогощей, храме Успения Богоматери на Подоле, находившейся в Киеве): «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи *Богородици Пирогощей*» [16, с. 386]. Название киевскому храму дано по хранившейся там одноименной иконе. По мнению А. И. Соболевского, первоначальное значение названия иконы: принадлежащая Пирогостю, принесенная Пирогостем (видным киевским боярином в XI–XII вв.). Д. С. Лихачев видел в Пирогощей название иконы Богоматери из константинопольского Влахернского монастыря, Оранты или Одигитрии, на которой Богоматерь могла быть изображена в окружении стен Влахернского монастыря, имевших в своем составе семь башен. Эта гипотеза, по мнению Д. С. Лихачева, отвечает на вопрос и о происхождении и значении ее названия: Пирогощую наиболее вероятно следует производить от греческого слова *πυργωτις* «башенная» [19, т. 4, с. 106].

Богородици соборная церковь (Успенский собор, заложенный в 1101 г. Вл. Мономахом, в котором находилась икона Богородицы Одигитрии (путеводительницы): «Людие же бяху в велицей скорбѣ, неисходно пребывающее в *соборной церкви* пречистыя *Богородицы*» [15, с. 204].

Въскресения святого церковь/ Въскресения церковь/ Въскресения Христова церковь/ Въскресения Господня церковь: «изыдохомъ изъ *церкви святого Въскресения*» [17, с. 112]; «И приидохомъ къ *церкви Въскресения Христова*» [17, с. 108]; «Есть же *церковь* та *Въскресение* образомъ круга» [17, с. 36]; «Есть же *церкви Въскресения Господня*... кругло создана» [17, с. 34]. Церковь построена на месте, где, согласно Евангелию, был положен в гроб Иисус Христос после его снятия с креста.

Димитрия святого монастырь (Дмитриевский монастырь (Дм. Солунского) был построен киевским князем Изяславом Ярославичем и находился в Киеве, недалеко от Киево-Печерского монастыря): «преподобному же Феодосию... идущю въ *манастырь святого Димитрия*» [3, с. 364].

Евфимья святого монастырь/ Еуфимьевъ монастырь (монастырь, построенный вокруг пещеры аскета Евфимия Великого (376–477 гг.): «от *манастыря Еуфимьева*», «О *манастырѣ святого Евфимья*» [17, с. 60].

Ивѣрьский монастырь «И то есть *манастырь Ивѣрьскыи*» [17, с. 76]. Иверский монастырь или Ивирон (греч. Μονή Ἰβήρων) – православный монастырь на горе Афон, основанный в 980–983 гг. грузинами. Название *Ивирон* происходит от древнего грузинского королевства *Иберия* (русск. *Иверия*); архитектором монастыря был Иоанн Иверский.

Каламония (монастырь): «свята богородица нарече имя мѣсту тому *Каламони*, еже ея протолкует «Доброе обителище» [17, с. 54]. *Каламония* (от греч. χαλή μονή – «хорошая остановка», «хорошее жилище», «доброе обителище»).

Марии святыя богородици церковь (имеется в виду Киевская соборная церковь Богородицы, построенная св. Владимиром вскоре после крещения киевлян, в которой он был похоронен в 1015 г.): «*стаа цркви бца мариа* яже създана правовѣрьнѣи основѣ» [14, с. 97].

Михаила архангела церковь (церковь Михаила-архангела или Свирская (1191–1194 гг.) являлась княжеским придворным храмом в Смоленске): «явился господь в то время преподобному Луцѣ Прусину у *церкви честнаго архангела Михаила*» [1, с. 82].

Прѣмудрости домъ божии (речь идет о Киевском соборе св. Софии, который был заложен Ярославом Мудрым в 1037 г.): «иже *дом бжии* великыи стый его *прѣмудрости* създа» [14, с. 97].

Рождество святыя богородици (имеется в виду монастырь Рождества Богородицы во Владимире, где был погребен Александр Невский. Примечательно, что до сер. XVI в. Рождественский монастырь считался первым монастырем Руси, «Архимандритьей великой»): «Положено же бысть тѣло его въ *Рождестве святыя богородица*» [2, с. 438].

Савы святого лавра: «И от того монастыря до *лавы святого Савы* есть врьсть б» [17, с. 56]. Речь идет о монастыре, основанном монахом Саввой в начале VI в.

Святая Святыхъ церковь/ Святая Святыхъ (мечеть, построенная халифом Омаром I (634–644 гг.) на месте древнего иерусалимского храма Соломона и обращенная крестоносцами в христианскую церковь): «Есть *церкви Святаа Святыхъ* дивно и хитро создана» [17, с. 42]; «увидѣти Елеоньскую гору, и *Святаа Святыхъ*» [17, с. 32].

Софии святая церковь: «и вниде в *церковь святыя Софиа*» [2, с. 428]; «Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у *святыя Софеи* въ колоколы» [16, с. 384] (Софийский собор в Полоцке во имя Софии пре-

мудрости Божьей – один из трех Софийских храмов на Руси, построенных в перв. пол. – сер. XI в. **София святая:** «Съ тоя же Каялы... ко *святѣи Софии* къ Киеву» [16, с. 376] (упоминается София Киевская – главный храм Киева и Киевской Руси, являющийся русской митрополией).

Стефана Первомученика церковь: «И ту есть на левой руцѣ у пути... *церкви* святого *Стефана Первомученика*» [17, с. 32]; «сътвори дворъ близъ монастыря своего и *църкъвь* възгради въ немъ святааго *първомученика Стефана*» [3, с. 362]. (Согласно библейскому преданию, Стефан – дьякон, казненный первым за проповедь христианства во времена римского императора Гая Юлия Цезаря).

Студийский монастырь (самый значительный монастырь средневекового Константинополя): «да весь уставъ *Студийскаго монастыря*, испъсавъ, присълеть ему» [3, с. 334]. Основан ромейским патриkiem Студием в 462 г. на берегу Мраморного моря.

Феоктиста святого монастырь (был основан в V в. монахом Феоктистом, другом и последователем Евфимия Великого): «И ту есть близъ былъ *монастырь* святого *Феоктиста*» [17, с. 60].

Харитона святого монастырь (получил свое название от имени палестинского монаха Харитона Исповедника (V в.): «И есть на полудне лицъ отъ Вифлеема *монастырь* святого *Харитона*» [17, с. 74].

Честнаго Креста монастырь (так именуется Крестовоздвиженский монастырь): «И оттолѣ вниде въ градъ, и пребысть въ единомъ *монастыри* у *Честнаго Креста*» [1, с. 76].

В системе экклезионимов, зафиксированных в церковных и светских текстах XI–XIII вв., отмечены следующие продуктивные номинативные структуры: антропонимический посессив с отапеллятивным прилагательным + детерминатив (*Евфимья святого монастырь*, *Феоктиста святого монастырь*, *Гавриила архангела церковь*, *Геогория святого церковь* и под.); антропонимический посессив + детерминатив: (*Еуфимьевъ монастырь*, *Федосиевъ монастырь*, *Герасимовъ монастырь*); топонимический адъектив + детерминатив (*Печерский монастырь*, *Ивѣрьский монастырь*).

Существенный интерес представляет также группа *микроэкклезионимов*, многие из которых получили свое название в честь определенного библейского события:

Авраамова Жертва/ Авраамовъ жрътвенникъ, Авраамъ святой, Аараамле Ссѣдание, Агаиа Мамила, Агиапимина, Апостольские врата, Венияминовы врата, Галганий, Голгофа/ Распятие/ Распятие господне/ Распятие Христово, Давыдовъ столпъ, Диоскоридова баня, Иоанна Крестителя Христова темница [17]; Краи/ Крайниево мѣсто/ Краниево мѣсто/ Лобное мѣсто [14, 17]; Красные врата, Крестъ Честный [17]; Мамбрийский дубъ/ Мамрийский дубъ/ Мамбриский дубъ/ Мамвьрийский дубъ [14, 17]; Мамбрия, Овча купѣль, Пупъ земли/ Пупъ земный, Рува, Силоамля купѣль/

Силоамская купѣль, Снятие, Содомское мѣсто, Спудий [17]; Тьмутороканьскій бльвань [16].

Агаиа Мамила: «и в той пещерѣ лежат мощи многих святых мученик... и зовется мѣсто то *Агаиа Мамила*» [17, с. 76] (станки жертв персидского царя Хосроя, взявшего Иерусалим в 614 г., по преданию, похоронила женщина по имени Мамиллия; отсюда – название места погребения – *Агия Мамила* то есть «святая Мамила»).

Агиапимина (поле, где, по преданию, ангелы возвестили пастухам рождение Христа): «И есть около мѣста того поле крсно велми... и то ся мѣсто зоветь *Агиапимина*, еже протолкуется «Святаа паства» [17, с. 66].

Давыдовъ столпъ (башня, примыкающая к дому или замку царя Давида, цитадель Иерусалима, ок. 950 г. до н. э.): «И та бо суть врата остался толко ветхаго здания, тий *столпъ Давидовъ*» [17, с. 44].

Силоамля купѣль// Силоамская купѣль (священный источник или водоем в юго-восточной части Иерусалима, купальня Силоамская): «О *купѣли Силоамстѣй*», «А оттуда на полудне лицъ долѣ под горою есть *купѣль Силоамля*» [17, с. 62]. *Силоам* (ивр. *Шилоах* «посланный, посланная вода»). «Источникъ Силоамскій... противъ селенія Силоамскаго; названъ так потому, что, по преданію, Пресвятая Дѣва часто ходила сюда черпать воду» [18, т. 58, с. 879].

В системе древнерусских топонимических номинаций отражается охват территорий, известных русским и значимых для их языкового сознания. В связи с этим можно говорить об определенных культурно-языковых намерениях авторов в употреблении топонимов, служащих не только пространственным ориентиром, но и знаковыми именованиями мировосприятия.

Древнерусская топонимическая лексика, содержащая в себе ценную культурно-историческую информацию, особым способом репрезентирует народное миропонимание. Применительно к эпохе Киевской Руси можно говорить о постепенном формировании онимных символов русской культуры, среди которых ключевое значение приобретает символ веры и сакральности пространства. В период XI–XIII вв. формируется многоформульная система русской топонимической лексики, служащей средством идентификации, конкретизации и репрезентации определенного концептуального пространства, источником зарождения русских культурно-исторических ономастических традиций.

Библиографический список

1. Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 66–105.
2. Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 426–439.
3. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. – М., 1978. – С. 304–391.

4. Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 389–400.
5. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. – М.: Наука, 1983. – 207 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. 198 с.
7. Послание Климента Смолятича // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 283–290.
8. Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 456–463.
9. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Русские словари: Астрель: Аст, 2002. – 512 с.
10. Поспелов Е. М. Географические названия России: топонимический словарь. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 523 с.
11. Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области: топонимический словарь. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 600 с.
12. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. – М., 1978. – С. 392–413.
13. Слова Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 440–455.
14. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Первая редакция «Слова» (Список С-591) // Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. – Киев, 1984. – С. 78–100.
15. Слово о Меркурии Смоленском // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 204–209.
16. Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 373–388.
17. Хожение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 25–116.
18. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза (Лейпциг), И. А. Ефрона (С.-Петербург): в 82 т. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890–1904
19. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

III. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗАИМСТВОВАНИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Р. Р. Бабаева

*Преподаватель,
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. In a research the religion factor role in the course of loan in English is widely studied. First of all, the question of influence on English of the translation of the Bible with Latin into English is analyzed. Also the question of influence of religious expressions and terms on formation of dictionary structure of English is investigated. In work the role of monotheist religions in the course of loan in modern English, including a role of Islamic religion in globalization and global English, and a number of the questions connected with it is also considered.

Keywords: English language; religious environment; religious terminology; vocabulary of the language.

Роль фактора религии в процессе заимствования в английском языке имеет древнюю историю. В разные исторические периоды в словарный состав английского языка заимствованные слова вошли под влиянием христианской, еврейской и исламской религий. Как известно, христианство в Великобритании началось с 597 года нашей эры. И это, конечно, в первую очередь нашло свое отражение в культурном и языковом факторах. Использование заимствованных слов в английском языке именно в этот период получило широкий размах. В этот период путем заимствования из латыни в английский язык перешли тысячи религиозных слов.

Перевод Библии с латыни на английский язык был один из важных факторов, оказавших значительное влияние на английский язык. Основываясь на исследования, можно сказать, что Библия сыграла исключительную роль в развитии и совершенствовании английского языка. До Библии никакие книги не влияли на развитие английского языка и литературы. Проблема влияния перевода этой священной книги на английский язык является предметом обширных исследований.

Религиозные выражения и термины повлияли на формирование английского языка и имеют важное место в составе лексического пласта. Латинские элементы занимают основное место в лексическом пласте словарного состава английского языка. Английские слова латинского происхождения делятся на три части. Первая часть относится V в. до н.э., который был связан с торговыми отношениями с Римской империей. В это время

ряд слов и географических названий были переведены на английский язык посредством культурных связей. Вторая часть англоязычного словаря охватывает V–VII вв. нашей эры. В течение этого периода латынь считалась языком католической церкви, а распространение христианства в Великобритании создало почву для перехода религиозных слов с латинского языка на древнеанглийский язык. Третья часть охватывает XIV–XVI вв., под влиянием античной культуры и науки латинские слова входят в словарный состав английского языка. Греческий, скандинавский, французский, итальянский, голландский, немецкий и арабский языки также оказали большое влияние на словарный запас английского языка.

Личные имена, в основном библейские и другие религиозные имена, также занимают важное место в составе заимствованных слов. Широкое изучение и группировка этих имен проводится в исследовательской работе многих ученых. Перевод Библии на английский язык в разные периоды и изучение особенностей этих переводов является одним из основных вопросов. Самые древние переводы – это переводы с греческого и еврейского языков. Их можно оценивать как один из факторов, толкающих на изучение влияния Библии на заимствованные религиозные слова на английском языке. Имена людей, библейские имена и другие имена могут рассматриваться как ценные источники исследования.

Монотеистические религии также играют важную роль в заимствованиях английского языка. Несмотря на то, что во многих исследованиях изучалось влияние христианства, иудаизма и т. д. религий на английский язык, но не было полностью исследовано влияние всех мировых религий на процесс заимствования в английском языке. Невероятность факта заключается в том, что ислам занимает особое место среди всех мировых религий, а в условиях глобализации влияние этой религии на мировые языки, а также на английский язык велико. Таким образом, перевод Корана на английский язык и наличие достаточных книг на английском языке об Исламе позволяют называть заимствование слов арабского происхождения следствием влияния исламской религии. При изучении роли монотеистических религий в современном процессе заимствования английского языка важно учитывать следующие вопросы:

- исследовать методы влияния мировых религий на английский язык;
- исследовать влияние монотеистических религий на современный процесс заимствования английского языка;
- исследовать источник заимствованных слов, которые вошли в словарный состав английского языка через религию.

В качестве одного из источников заимствованных слов, входящих в словарный состав современного английского языка, следует широко проанализировать фактор Британской империи, глобализацию и глобальный фактор английского языка. В настоящее время нельзя игнорировать широкий обзор следующих проблем:

- влияние монотеистических религий на глобализацию и глобальный фактор английского языка.

- роль Британской империи в процессе заимствования религиозных слов на английском языке.

Библиографический список

1. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1998.
2. Simeon Potter. Our Language. Great Britain - Penguin books, 1982.
3. Джафаров Н. Языки религий // <http://edebiyyatqazeti.az/news/diger/577-dinlerin-dilleri>
4. Поморозская Н. И. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения / Лексика и культура. Тверь. Тверский государственный университет, 1990.
5. Шумагер Е. И. Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой / Лексика и культура. Тверь: Тверской гос. университет, 1999.

IV. URGENT QUESTIONS OF RHETORIC, SPEECH CULTURE, COMMUNICATION THEORY

“У БУДУЧЫНІЮ ДЗВЕРЫ НЕ Ё ЧАСЕ, А Ё ДУШЫ”: АФАРЫСТЫЧНЫЯ ЭСКІЗЫ МАСТАЦКАГА МАЎЛЕННЯ

А. М. Пісарэнка

*Кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
загадчык кафедры беларускай і
закежнай філалогіі,
Беларускага дзяржаўнага
ўніверсітэта культуры і мастацтваў,
г. Мінск, Беларусь*

Summary. This paper analyzes the features of fixed expressions' usage in artistic speech. Phraseology as a section of linguistics in a broad sense of the word studies aphorisms and proverbs. In its turn, the language of poetry, prose, drama contains numerous aphoristic sayings that have deep content and undertone, which causes, in case of their respective prominence, their demand among people in specific speech situations. Reminiscence as a linguistic phenomenon proves expression's eloquence since it is based on quoting of an author by other writers.

Keywords: artistic speech; phraseology in a broad sense of the word; phraseological system; fixed linguistic units; idioms; sayings; aphorisms; proverbs; transformation of fixed expressions; quote; reminiscence; aphoristic expression.

Устойлівыя выразы вывучаюцца ў раздзеле “Фразеалогія” Сучаснай беларускай літаратурнай мовы, а таксама пры асвятленні разнастайных тэм дысцыпліны Стылістыка і культура маўлення, у прыватнасці пры разглядзе пытанняў аб стылістычнай норме, аналізе стылістычнай функцыі фразем, пры азнаямленні з “Дакладнасцю маўлення” і “Выразнасцю маўлення”. Менавіта такія іх характарыстыкі, як агульнавядомасць зместу, устойлівасць формы, запатрабаванасць, а значыць, узнаўляльнасць носьбітамі мовы, часам павучальны змест, аб'ядноўвае іх з прыказкамі. Аднак у параўнанні з апошнімі яны маюць аўтарства і кніжнае паходжанне; для таго, каб працытаваць той ці іншы выраз, часам не патрэбна веданне аўтара, дасканалай і дакладнай формы арыгінальнага выраза; дастатковай умовай для ўжывання ўстойлівых зваротаў такога кшталту з'яўляюцца веданне агульнага іх сэнсу і адпаведная маўленчая сітуацыя.

Афарыстычныя выслоўі, ці афарыстычныя эскізы, – гэта сапраўды накіды тых думак, якія толькі прэтэндуюць, каб стаць крылатымі: у іх мудрасць аўтарскага вопыту, яны змястоўныя, у іх заключаецца ідэя, адна з думак, важных для разумення зместу ўсяго тэксту, для поўнага /

цэласнага ўяўлення вобраза, персанажа, яго светапогляду. Эскіз у сваю чаргу – гэта не завершаны твор, а толькі накід да твора, перадае яго задумку, ідэю. Афарызмы таксама, не з’яўляючыся самастойным творам, становяцца крылатымі пры пастаянным іх цытаванні, вядомасці іх зместу значнай частцы носьбітаў мовы, а часам не адной мовы, напрыклад, калі гаворка ідзе пра цытаванне выказаў іншамоўнага паходжання.

У гэтым выпадку нельга блытаць цытаванне радкоў з хрэстаматычных літаратурных тэкстаў, якія вывучаліся носьбітамі мовы, напрыклад, у сярэдняй школе: *Хіба на вечар той можна забыцца?* (П. Броўка); *Я не паэта, о крыў мяне божа; А хто там ідзе?* (Я. Купала); *З легендаў і казак былых пакаленняў* (М. Танк); *Кажуць, мова мая аджывае* (П. Панчанка) і выразы афарыстычнага характару: ***Не забывайце мовы роднай, каб не ўмёрлі*** (Ф. Багушэвіч); ***Нашто нам сваркі і звадкі, / Калі мы разам ляцім да зор?*** (М. Багдановіч); ***Трэба дома бываць часцей, / Трэба дома бываць не госьцем*** (Р. Барадулін). Прыведзеныя выразы аб’ядноўвае тое, што яны агульнавядомыя, але толькі апошнія з’яўляюцца афарыстычнымі, паколькі перадаюць узорнасць пачуццяў, арыгінальнасць светаўспрымання. Думкі, выказаныя знакамітымі асобамі, як правіла, пісьменнікамі, могуць быць запатрабаваны ў маўленні не адным чалавекам з мэтай, каб акрэсліць, пацвердзіць меркаванні, разважанні, апісаць паводзіны, ахарактарызаваць стан душы.

Мастацкаму маўленню ўласцівы прыём рэмінісцэнцыі, сутнасць якога якраз у цытаванні вядомых афарыстычных выслоўяў тым ці іншым аўтарам з мэтай пацвярджэння ўласных думак / пачуццяў. Такія “ўкрапленні” ў мастацкі радок не бяруцца звычайна ў двукоссе, аднак друкуюцца курсівам: Дык ці здольныя з поўнаю кайстрай / Мы па свеце ісці, як раўня, / Каб ***народ наш / Усё ж дачакаўся / Залацістага яснага дня?***; Нявесела ўсміхнуся: / – ***Сэ ля ві, –*** / І апушчуся на прывялы верас. / – Перажыві мяне, / Перажыві! – / Я папрашу каханую яшчэ раз (Г. Бураўкін); Дождж прыходзіць як Боскі адказ на стараславянскую – старасялянскую – малітву: ***“Хлеб наш насущный даждь нам днесь”*** (А. Разанаў); Ды ўсё адно паэт з малітвай / Пытаецца ў сваім верлібры / “... ***нашто ж на зямлі / Сваркі і звадкі...***” (Л. Дранько-Майсюк).

Агульнавядомыя выразы з трапным зместам могуць выкарыстоўвацца ў спецыфічным аўтарскім кантэксце, што трансфармуе, часам удакладняе іх змест ці, найчасцей, той стылістычны эфект, які аўтары хацелі надаць адпаведнай маўленчай сітуацыі: ***Як па зорках, / на расе / Твой апошні шлях праляжа. / Памірай, а жыта сей. / Рунь пра сейбіта расказа*** (А. Сыс); ***Яму прысвоілі званне Героя / За тое, што двойчы / Фарсіраваў Бярэзіну: / Першы раз – у разведцы, / Другі раз – у баі, / У якім грудзьмі пагасіў / Амбразуру фашыскага дота. / Каб знаў Геракліт пра такіх, / Не сказаў бы, што нельга / Двойчы перайсці / Праз адну і тую ж раку.*** У апошнім прыкладзе Максім Танк выкарыстоўвае

выраз *нельга двойчы ўвайсці ў адну і тую ж раку*, які ўвасобіў у сабе вопыт не аднаго пакалення. Аднак паэт стварае вядомым радкам такі кантэкст, які выяўляе яшчэ і яго прамое значэнне: герой Вялікай Айчыннай вайны двойчы фарсіраваў раку Бярэзіну, але гіне – гасіць грудзьмі амбразуру варожага дота. І тады, па меркаванні паэта, чалавек можа мяняць нешта ў сваім жыцці, у саім лёсе, калі мае ўнутраную гатоўнасць, духоўнасць, а таксама веру ў тое, што робіць. Вось у такім выпадку можна *двойчы ўвайсці ў адну і тую ж раку*.

Арыгінальнымі паводле зместу і графічнага афармлення з’яўляюцца выразы іншамоўнага паходжання, напрыклад, з лацінскай мовы. Яны могуць перакладацца ці не перакладацца ў тэксце, у зносках, аднак змест іх ці хаця б сутнасць павінны быць вядомымі, зразумелымі чытачу: *Па жыцці не прайсці, / Каб не зведаць бяды. / Нам бы ж толькі пярсцёнкі шапталі / Праз вясну і праз слоту, / Праз сівыя гады: / AMO TE, / AMO ME, / FIDES IMMORTALES; Ах, не час валошкавы мой тае -- / То пылок / З трапятлівых крыльцяў асыпае / Матылёк!.. / Vita brevis. / Patria aeternis* (Н. Мацяш). Першы выраз пісалі старажытныя рымляне на заручальных пярсцёнках, ён у перакладзе з лацінскай мовы абазначае “*Кахаю цябе, кахай мяне, вернасць несмяротная*”; другі выраз больш вядомы – “*Жыццё кароткае. Радзіма вечная*”. Цытаванне з іншамоўных крыніц дэманструе інтэлектуальнасць паэзіі: старажытныя ўстойлівыя выразы, спраектаваныя аўтарамі на сучаснае жыццё, пацвярджаюць іх крылатасць, узнаўляльнасць, змястоўнасць; іх ужыванне дазваляе і твор, і любы кантэкст напоўніць глыбокім зместам.” Я ніколі не каляўся ў тым, чаго не рабіў, але каляўся ў тым, што рабіў, – нам прысвячаюць свае высновы волаты думкі. / *Sumus ne simus. / Мы ёсць, каб не быць* (А. Разанаў). Вядома, што “інтэлектуальнасць” мастацкага тэксту разлічана на адпаведнага чытача, слухача: менавіта ў такім выпадку можна атрымаць “асаладу чытання”.

Шматлікія выразы мастацкага маўлення яшчэ чакаюць свайго прызнання: у выніку частага выкарыстання яны могуць набыць “крылатасць”: выразы, вартыя цытавання, заўсёды поўныя глыбокага сэнсу, які навідавоку, і тады іх можна разумець літаральна, або яны маюць глыбокі падтэкст (у іх, як і ў прыказках, можа гаварыцца пра адно, а падразумяваецца зусім іншае): *Калі дабро пасею на загоне, закаласяцца і дабром палі; ... Не можа звонкі салавей, пяюн вясны, спяваць па воўчых нотах; Скіраваць свае крокі да зораў – шчэ не значыць да іх даляцець* (Л. Геніюш); *Не, не пройдзе любая памылка бяследна, пустацвет не саспеліць крамяных пладоў; У справядлівасць вераць людзі, бо столькі вынеслі пакут. Але пакуль і тыя людзі, каму падпісаны прысуд* (С. Законнікаў); *Адцемравеіцца світанак, край наш трымаецца на апантаных; Не ўсякая птушка ўмее сяліцца і жыць высока* (Н. Мацяш); *Арол застаецца арлом і з адным крылом; Як ні добра ў гасцях – паміраць*

трэба дома; Рупячыся ў кляцьбе, / помні і пра сябе (Р. Барадулін); *Мінулае жыве, яно за намі назірае; Ці гэта час належыць нам, ці гэта мы яму належныя?; У будучыню дзверы не ў часе, а ў душы* (А. Разанаў); *Мяркуем, як канцы з канцамі звесці, як апетыту паслужыць, а трэба жыць не для таго, каб есці, патрэбна есці для таго, каб жыць* (С. Грахоўскі).

Для таго, каб выраз набыў “крылатасць”, грамадства павінна мець адпаведны інтэлектуальны ўзровень, быць начытаным хаця б праз інтэрнэт-рэсурсы; акрамя таго, выраз можа быць запатрабаваны грамадствам, калі “сугучны” часу, сітуацыі, душэўнаму стану носьбітаў мовы.

Разнастайныя трапныя выразы пісьменнікаў, якія з’яўляюцца крылатымі ці яшчэ толькі прэтэндуюць сваім зместам і формай на запатрабаванасць, рупліва сабраны навукоўцамі Н. В. Гаўрош і Н. М. Няmkовіч: на сённяшні дзень выдадзена кніга “Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў” [1]. У даведніку ёсць вялікі артыкул тэарэтычнага характару, у якім аналізуюцца афарызмы як двухпланавыя моўныя адзінкі, разглядаюцца працэсы афарызацыі тэкстаў (пад афарызацыяй, у прыватнасці мастацкіх тэкстаў, разумеецца працэс напаўнення іх надпадзейным, абагульненым, афарыстычным зместам з дапамогай адпаведных сродкаў мовы [1, с. 31], а таксама нацыянальная афарыстыка. Аўтары кнігі нездарма разглядаюць трапныя па змесце выслоўі як “тэрміновыя тэлеграмы розуму”. Кожнае выслоўе, якое можа быць запатрабавана ў працэсе маўлення для лаканічнага і мудрага пацвярджэння роздуму, думкі на любую тэму: ***Я супраць арфаграфіі грашу, / І з літары вялікае пішу: / Радзіма*** (М. Мятліцкі); ***Будзь як на споведзі / Перад сабою*** (Р. Барадулін), ***Дзе нам баліць, там і душа, / З душы ўвесь чалавек сабраны*** (Я. Сіпакоў); ***Мы ўсе – з любові, / А як жа мы прад ёю ўсе ў даўгу*** (Н. Мацяш); ***Кожнага чалавека на зямлі трэба хваліць, але не перахвальваць*** (Г. Марчук); ***Раднёю і мовай не грэбуй, / Ты – колас сярод каласоў...*** (С. Законнікаў), ***Ды не такі ўжо дзікі ты, навер, / Калі ясі з кармушкі*** (Е. Лось), ***Справядлівы Бог адзін. / З правам першага судзі*** (В. Аколава); ***Людзей смяшы, а сам не смейся*** (Я. Брыль); ***Ўсе шляхі прыводзяць не да Рыма, / А да родных вербаў і бяроз*** (У. Караткевіч). Прыклады адлюстроўваюць тыя духоўныя каштоўнасці чалавецтва, тыя маральныя прынцыпы, кіруючыся якімі ў жыцці, чалавек застаецца чалавекам.

Такім чынам, афарыстычныя выслоўі мастацкага маўлення вызначаюцца глыбінёй аўтарскай думкі, арыгінальнасцю зместу. Галоўная ўмова іх функцыявання – гэта, так званая, крылатасць, запатрабаванасць грамадствам, наяўнасць маўленчай сітуацыі. І афарызмы, і прыказкі – як устойлівыя выразы – такі моўны пласт, які дэманструе нацыянальную адметнасць любой мовы, яе багацце і характэр. Мастацкае маўленне адначасова захоўвае і рэалізуе адпаведныя “моўныя скарбы” і само

з'яўляецца крыніцай папаўнення фразеалагічнай сістэмы беларускай літаратурнай мовы ў шырокім значэнні слова.

Бібліаграфічны спіс

1. Гаўрош, Н. В., Нямковіч, Н. М. Афарыстычныя выслоўі берарускіх пісьменнікаў. – Мінск: Вышэйшая школа, 2012.

V. THE LANGUAGE, CULTURE AND MENTALITY AS IMPORTANT AREAS OF MODERN LINGUISTICS

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ НОМИНАЦИЮ РОССИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

Л. В. Воронина
А. В. Бондарев

*Кандидат филологических наук, доцент,
курсант,
Рязанское гвардейское высшее воздушно-
десантное командное училище
имени генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия*

Summary. The article deals with the Russian weapons and military equipment naming unit problems. The work reveals the linguistic and extralinguistic factors affecting the choice of the name. The focus is placed on the hrematonims – military semantics onims.

Keywords: naming unit; hrematonims (military semantics onims); linguistic and extralinguistic factors.

Процесс наречения – образования онимов – протекает под действием ряда факторов лингвистического и экстралингвистического порядка. Являясь результатом вторичной искусственной номинации, класс проприативной лексики, называющий предметы материальной культуры, в том числе название оружия, получил название хрематонимов.

В числе языковых факторов, оказывающих влияние на появление хрематонимов военной семантики, наиболее действующими оказываются экстралингвистические. В их числе объективные (прагматические) и субъективные.

Объективные факторы находят свое отражение при назывании единиц российского вооружения и техники, имеющих какие-либо обусловленности, сходства называемого объекта со словом и называющие их прямо. Сходства могут быть связаны:

1) со способом действия именуемого предмета. Например: динамическая защита «Контакт» срабатывает при контакте, «Попрыгунья» – подсакивающий осколочный боевой элемент для кассетных боевых частей, «Вертикаль» – ракета-носитель для запуска высотных зондов, «Безмолвие» – малошумная телеуправляемая противолодочная торпеда;

2) с формой именуемого предмета: переносные зенитно-ракетные комплексы «Игла», «Стрела», ручной противопехотный гранатомёт «Пе-

нал», гладкоствольная танковая пушка «Рапира», осколочно-трассирующий снаряд «Цилиндр».

К субъективным экстралингвистическим факторам, обуславливающих выбор названия для военных отечественных разработок, следует отнести поддержание уже сложившихся традиций в назывании конкретных групп / видов вооружения и военной техники:

- «цветочные» имена самоходных артиллерийских установок: «Гвоздика», «Тюльпан», «Астра», «Пион»;

- «речные» имена средств ПВО: «Тунгуска», «Шилка», «Двина», «Нева»;

- «колючие» / «жалящие» имена для обозначения взрывателей, зенитно-ракетных комплексов: «Шмель» (радиовзрыватель), «Роза» (оптический взрыватель), «Шиповник» (тактический ракетный комплекс), «Оса», «Игла»;

- имена вымышленных героев при назывании маскировочных костюмов: «Леший», «Кикимора», «Оборотень»;

- тяготение к экзотизмам при назывании холодного оружия: «Папуас», «Басурманин», «Шайтан» (боевые ножи).

Субъективная установка с опорой на национальную психологию как один из экстралингвистических факторов номинации единиц российского вооружения очевидна в названиях, не имеющих ничего общего с объектом номинации и зачастую даже противоречащих ему. Этим достигается юмористический эффект. Например: «Сюрприз», «Аргумент» (дубинка), «Нежность», «Прикол» (наручники), «Азарт» (лопатка), а также при назывании оружия массового поражения: «Ромашка», «Саженец», «Символизм», «Абрикос» (ядерные снаряды), «Иван», «Ваня» (ядерные бомбы).

Психологический аспект названия также является одним из субъективных экстралингвистических факторов. Субъективность проявляется в том, что название дается с определенной целевой установкой. В случае с хрематонимами военной семантики речь может идти о разнообразных психологических состояниях, которые должно вызывать название оружия. Поскольку вооружение – это совокупность средств, необходимых для ведения войны, боя, основная целевая установка при номинации хрематонимов – устрашение противника.

Угроза может быть выражена прямо или косвенно. Прямое содержание угрозы поддерживают категории хрематонимов, указывающие на: 1) на предназначение предмета вооружения: «Каратель» (серия боевых ножей), «Удар» (ручной противотанковый гранатомёт); 2) способы действия: «Перфоратор» (ядерный снаряд); 3) результаты действия: «Карантин» (реактивный снаряд), «Необитаемость» (опытная самоходно-артиллерийская установка), «Тишина» (стрелково-гранатомётный комплекс).

Наряду с устрашением или угрозой, наименование может указывать и на эмоциональное состояние в результате произведенных операций с образ-

цом вооружения: «Восторг» (дорожно-землеройная машина), «Позитив» (радиостанция), «Триумф» (зенитно-ракетный комплекс), «Улыбка» (радиопеленгационный комплекс), «Уют» (противоосколочное одеяло).

Косвенное психологическое воздействие должны оказывать наименования типа: «Барс», «Вепрь», «Кобра», «Хищник».

Как показывает выборка, не чужд авторам современных хремотонимов и сентиментализм: «Грезы» (сейсмомагнитометрическое маскируемое средство обнаружения), «Незабудка» (система многоканальной записи телефонных разговоров), «Созидание» (гранатомет).

В то же время современным хремотонимам присущ и национальный колорит: «Молодец», «Молот», «Берёза», «Береста», «Меч», «Щит».

Одним из собственно лингвистических факторов, обуславливающих выбор номинатива, является фонетический: название должно быть звучным, емким, а это определяет структура слова, его звуковая составляющая. Исследование показало, что значительная часть хремотонимов – легкопроизносимые одно- или двусложные словам типа «Як», «Щит», «Яр», «Юг», «Шторм», «Шмель» / «Каскад», «Шатёр», «Чибис». Безусловно, в числе наименований военной техники и вооружения есть и трехсложные слова, но они чрезвычайно редки («Фундамент», «Ураган», «Фуникулер», «Чародейка»), в то время как многосложные слова или слова, образованные путем сложения типа «Чайка-Стремнина», «Фотохроника», тем более заимствованные («Цейхвахтер») и труднопроизносимые далеко не частотны.

Особенностью хремотонимов военной семантики является то, что ни один из них не может быть прямо соотнесен с обозначаемым объектом материальной культуры: *скальпель* – это не только инструмент хирурга, но и летающий госпиталь («Скальпель»), а *госпиталь* – это не только специальное медицинское учреждение, но и программно-технический комплекс («Госпиталь»). Хремотонимы могут лишь косвенно указывать на назначение военного образца, его качества или результаты действия, зачастую они это делают скрытно, завуалированно, метафорически.

СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

В. В. Заонегина

*Аспирант,
Тверской государственной университет,
Колледж Росрезерва,
г. Торжок,
Тверская область, Россия*

Summary. This article deals with the essence of the concept of "advertising". Classification of advertising texts is given. Practical experience of research work at the Russian language lesson in the system of the secondary professional education is presented. The article is designed for teachers of the Russian language and literature.

Keywords: Russian language; sociolinguistics; classification of advertising.

Специфика дисциплины «Русский язык» в среднем специальном учебном заведении состоит в том, что большинство уроков носит повторно-обобщающий характер, их цель систематизировать приобретенные ранее знания. И более чем уместно делать это, используя региональный компонент.

В рамках исследовательских проектов на уроках в колледже мы со студентами занимаемся изучением различных социолингвокультурных проблем, возникающих в условиях провинциального города, на примере родного Торжка. Одна из таких проблем – это воздействие рекламы на индивида.

В наше время реклама атакует нас с экранов телевизоров, звучит из радиоприемников, заполняет улицы города. Для выполнения основной функции рекламы – привлечения внимания – рекламодатели используют различные языковые средства, нередко с нарушением норм русского языка.

Каждый рекламодатель в своей деятельности должен руководствоваться Законом о рекламе. В Законе РФ о рекламе закреплены такие понятия как «реклама» и «наружная (визуальная) реклама». Согласно подпункту 1 статьи 3 Закона «О рекламе», под рекламой понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирования или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [6, с. 1].

Под наружной (визуальной) рекламой понимается реклама, размещенная на движимых и недвижимых объектах, а также расположенная в полосе отвода автомобильных дорог общего пользования и на открытом пространстве за пределами помещений в населенных пунктах.

Проанализировав фрагменты наружной рекламы (вывески, билборды, рекламные щиты), мы пришли к выводу, что в целом они не противоречат нормам, прописанным в законе, а именно:

- 1) тексты, размещенные на них, выдержаны на русском языке;
- 2) каждый фрагмент несет свою смысловую нагрузку, рассчитанную на определенный контингент горожан.

Но если говорить о культуре речи и нормах правописания, то здесь ошибок очень много. Например, рекламодатель пытается привлечь внимание потенциальных потребителей необычным графическим начертанием имени или названия фирмы.

Вообще грамотность городских эргонимов (например, в названиях магазинов) – это показатель грамотности проживающего в городе населения.

На наш взгляд, в эргонимах города Торжка нашла свое отражение современная письменная речь. В эргонимах мы часто замечаем сознательное нарушение орфографических норм. Например, ненормативное употребление прописной буквы в части слова («АВТОзапчасти» ул. Калининское шоссе), отдельные слова (Магазин «ДиМиш» ул. Больничная). Мы можем встретить употребление прописной буквы в середине словосочетания («Детский Мир» ул. Дзержинского), в середине слов («АвтоЗапчасти» ул. Ленинградское шоссе). Отметим сознательное употребление прописной буквы в конце слова («ЮнонА» ул. Студенческая).

Нередко в словах встречаются буквы старославянского языка («ТОРГОВЫЙ ДОМЪ», «Декораторь» ул. Карла Маркса), иностранных языков («Девайс» ул. Ленинградское шоссе).

Нельзя не отметить тот факт, что на лингвистическом ландшафте города отразилось влияние иноязычной лексики. Представлены случаи, когда на одной вывеске предприятия соседствуют английские и русские слова («Ай-Ти Доктор» ул. Дзержинского; «STOP цена» Тверецкая набережная).

В эргонимах специально стали полностью с прописной буквы писать названия («СУДАРУШКА» пл. Ильинская), хотя прописная буква в этих словах ставится только в начале: «Сударушка».

Проанализировав собранный материал, мы пришли к выводу, что чаще всего на вывесках предприятий Торжка мы видим ошибки в написании строчных и прописных букв, употребление букв старославянского алфавита, иностранных букв, использование небуквенных знаков, специально допущенные ошибки.

Понятно, что в условиях конкуренции предприниматель рассчитывает на быстрый успех, но оправданы ли эти усилия? Ведь грамотность – это вежливость рекламодателя по отношению к потребителю, поэтому грамотность – важная составляющая успеха. Следовательно, привлекать покупателя нужно не при помощи сознательного искажения языка, а изыскивая другие способы воздействия рекламы, например, изучив классификацию рекламы.

Классификация рекламных текстов предполагает несколько типов или видов: информационные, напоминающие, внушающие, убеждающие. Такая классификация текстов рекламы определяется задачами, которые возложены на рекламный текст.

1. Информационный вид рекламного текста. Основная задача таких текстов информировать потенциальных покупателей о товарах и услугах. Данный вид текстов подразумевает простоту и лаконичность, их основная задача – информировать людей с разным уровнем образования и социальным статусом.

Улица Ленинградское шоссе

Улица Студенческая

2. Напоминающий вид рекламных текстов. Данный вид текстов должен быть кратким и понятным. Обусловлено это тем, что задача такого текста – напоминание пользователю о наиболее важной информации, касающейся товара или услуги.

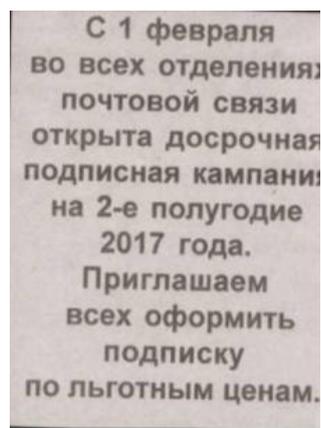

Улица Дзержинского

Площадь Ильинская

3. Внушающий вид рекламных текстов. Этот тип текстов должен обеспечивать запоминаемость предлагаемого товара или услуги. Достигается внушаемость за счет многократных повторений названия товара.

[4, с. 10]

4. Убеждающий вид рекламных текстов.

Информация преподносится в эмоциональной форме. Так текст заставляет потребителя сосредоточиться на достоинствах товара, которые описываются эмоционально, с целью формирования положительных ассоциаций, связанных с предлагаемым товаром или услугой.

Таким образом, существует четыре основных вида рекламного текста, каждый вид и тип имеют определенную языковую специфику и направленность на определенную группу людей.

В рекламных текстах г. Торжка нами выделены следующие часто употребляемые слова:

- **Мир:** Детский мир, Мир подарков, Мир кровель и фасадов
- **Имена:** Валерия, Лори, Евгения, У Ксюши, Людмила, Ника, Гулливер
- **Дом:** Стройдом, Любимый дом
- **Интернет:** Интернет-магазин Hobbyton, Интернет-магазин Ядро, Интернет-магазин Орион

В своей работе мы опирались на методику Дягилевой Н.С., которая предлагает ввести несколько понятий, описывающих разные аспекты городской идентичности. Это понятия «городская идентичность», «идентичность города» и «идентичность с городом». Городская идентичность представляет собой видение жителями города самих себя, т. е. идентичность

города и есть результат описания сущности города в сравнении с другими городами. А идентичность с городом является частью персональной самоидентификации личности, «когда город воспринимается как контекст индивидуальной биографии индивида» [1, с. 55].

В коммуникации идентичность города воплощается в тех объектах, которые несут в себе символический потенциал. Причем поскольку участников производства символов много, идентичность города оказывается многослойной.

В ходе исследования было опрошено более ста жителей и гостей города. Среди множества вопросов, касающихся рекламы, хочется выделить наиболее важный: «Как Вы считаете: влияет ли реклама на язык города?»

Мнение большинства опрошенных можно выразить словами В. Ю. Лозовской: «Реклама не только преподносит информацию и предоставляет право выбора потребителю, не только формирует новые потребности, но и исподволь формирует новые эстетические вкусы, внушает социальные ценности и нравственные принципы» [3, с. 12].

Библиографический список

1. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности. Екатеринбург, 2013 – 59с.
2. Крысин Л. П. Социолингвистический аспект изучения современного русского языка. М., 1989 – 186с.
3. Лозовская В. Ю. Особенности психологического воздействия телерекламы. М.: ИПК, 2003 – 44с.
4. Новый торг. 2017. 06 февраля
5. Новый торг. 2017. 10 апреля
6. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О рекламе»

VI. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗЕ ДЖЕФФРИ АРЧЕРА «NEVER STOP ON THE MOTORWAY»

В. М. Луговская

*Студентка,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. This article deals with the study of linguostylistic devices which create «verbal portrait» in the story «Never stop on the motorway» by the classic British writer – Jeffrey Archer – alongside with the presenting the results of the analysis of the mentioned discourse in terms of characteristics created by various stylistic means. Generally, the authors create the portrait of a character taking into account its direct or indirect way, while the latter one is determined by analyzing phonetic, lexical and phraseological units, syntactical constructions. Such an approach chosen for investigation of the story contributes to better understanding of the essence of characters.

Keywords: verbal portrait; linguostylistic devices; phonetic unit; lexical unit; phraseological unit.

Немецкий поэт, мыслитель и философ, Иоганн Гёте говорил: «Манеры человека – это зеркало, в котором отражается портрет его» [3]. Так, каждому действующему лицу нарратива присущи определенные черты и манеры, номинированные прямо или косвенно. Косвенные характеристики можно выявить благодаря анализу корпуса фонетических и лексических единиц, синтаксических конструкций и фразеологизмам единиц, интродуцированных в текст с прагматической целью создания образа персонажа и влияния на психоэмоциональную сферу читателя, выступающего реципиентом информации. Таким образом, «речевой портрет – это характеристика персонажа или героя, основанная на его поведении в течение всего произведения» [2].

Проблемой создания и декодирования речевого портрета занимались многие ученые (Г. Г. Матвеева, М. В. Панов, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Т. П. Тарасенко), в основном выделяя два типа речевых портретов, соотносящихся с типами языковой личности: «индивидуальный и коллективный» [1]. Коллективный речевой портрет позволяет обобщить явления, присущие определенному кругу людей, объединенных в национальном, возрастном, социальном, профессиональном плане. Объектом изучения индивидуального речевого портрета является отдельная языковая

личность и присущие ей черты. Наиболее часто исследуются речи выдающихся людей, чья судьба или профессиональная деятельность либо влияют на жизнь других людей, либо в большой степени отличаются от таковых. Объектом изучения может стать и персонаж художественного произведения. В литературе речевой портрет является средством создания художественного образа. В данном исследовании мы рассмотрим речевой портрет героини Дианы из рассказа Джеффри Арчера “Never Stop on the Motorway” («Никогда не останавливайся на шоссе», 1994).

Итак, главная героиня исследуемого рассказа, Диана – директор достаточно преуспевающей компании в Лондоне. С самого начала читатель понимает, что работа для нее играет важную роль, так как, несмотря на конец рабочего дня, Диана продолжает работать: «Diana had been hoping to get away by five... She tried not to show her true feelings when at 4.37 her deputy, Phil Haskins, presented her with a complex twelve-page document that required the signature of a director before it could be sent out to the client» [4, с. 230]. Мысль о том, что ей придётся задержаться на работе в тот день закрепляется ещё сильнее посредством эллипсиса: «One glance at this particular document and Diana knew there would be no chance of escaping before six» [4, с. 230].

Читателю становятся понятны причины столь острого желания Дианы скорее закончить рабочую неделю и отдохнуть у своего друга, когда автор представил её семейное положение при помощи эпитета «a single parent», уточняя: «...there were few moments left in any day to relax, so when it came to the one weekend in four that James and Caroline spent with her ex-husband, Diana would try to leave the office a little earlier than usual to avoid getting snarled up in the weekend traffic» [4, с. 230]. Хотя развод и был по обоюдному согласию, Диана, будучи успешной в карьере, переживала по поводу своего семейного положения: «She had become anaesthetised by the fact that a third of the married couples in Britain were now divorced or separated» [4, с. 232]. Но она успокаивала себя тем фактом, что её бывший муж зарабатывал меньше, и всё зависело от ее благосостояния на работе: «John, who earned less than she did – one of their problems, perhaps – had given in to most of her demands. She had kept the flat in Pumeby, the Audi estate and the children, to whom John was allowed access one weekend in four» [4, с. 232]. Антитеза в предложении: «she regularly grumbled about being landed with the responsibility of bringing up two children without a father, she missed them desperately the moment they were out of sight» [4, с. 232] описывает Диану как любящую мать, остро переживающую конфликт между желанием уединиться, чтобы обрести внутренний психоэмоциональный покой и равновесие, и стремлением больше времени проводить с детьми. Такой печальный опыт и социальный статус не могли не отразиться на личной жизни героини: «None of the senior staff at the office had ever gone further than asking her out to lunch. Perhaps because only three of them were unmarried and

not without reason. The one person she might have considered having a relationship with had made it abundantly clear that he only wanted to spend the night with her, not the days. In any case, Diana had decided long ago that if she was to be taken seriously as the company's first woman director, an office affair, however casual or short-lived, could only end in tears» [4, с. 232]. Эпитет в «Man are so vain» характеризует негативное отношение Дианы к мужчинам, а именно она считает их самодовольными и в какой-то степени бесполезными, но в то же время она недовольна и положением женщин в обществе: «A woman only had to make one mistake and she was immediately labelled as promiscuous. Then every other man on the premises either smirks behind your back or treats your thigh as an extension of the arm on his chair» [4, с. 233]. Однако, воспоминания об её университетском друге говорят о том, что Диана не влюблялась в хороших мужчин, и их отношения описывает эллипсис: «She and Daniel had read Economics at Bristol University in the early 98os, friends but never lovers» [4, с. 233]. У Дениала сложилось все как в романах со счастливым концом: «Daniel met Rachael... They married the day he graduated, and after they returned from their honeymoon Daniel took over the management of his father's farm in Bedfordshire. Three children had followed in quick succession.... Daniel and Rachael had now been married for twelve years...» [4, с. 233]. Характеризуя их жизнь эпитетами «gentle and uncomplicated», Диана завидовала им, что создает дополнительные характеристики натуры данной героини.

Жаргонизм «damn» в предложениях с парцелляцией «She tried to increase her speed, but it was quite impossible, as both lanes remained obstinately crowded. "Damn." She had forgotten to get them a present, even a decent bottle of claret. "Damn," she repeated» [4, с. 234] создает образ Дианы, которая вынуждена справляться с трудностями самостоятельно, что делает ее не только отважным, но и сострадательным человеком, так как пытается помочь не только окружающим ее людям, но и животным: «A small black creature had shot across her path, and despite her quick reactions, she hadn't been able to avoid hitting it» [4, с. 235]. Тот факт, что Диана, находясь одна в машине, остановилась и вышла, чтобы посмотреть, что произошло характеризует ее достаточно смелым человеком. Но едва ли она успела сесть в машину, как ее начали преследовать: «Diana had accelerated up to fifty again when she suddenly became aware of a pair of headlights shining through her rear windscreen» [4, с. 236].

Нервное состояние героини в тот момент передает предложение: «She brushed her hand across her forehead and removed a film of perspiration, thought for a moment, then manoeuvred her car into the fast lane» [4, с. 237]. Гипербола более точно передает эмоции Дианы: «She flicked her headlights onto high-beam, turned on her hazard lights and blasted her horn at anyone who dared to remain in her path» [4, с. 238].

Своего же преследователя героиня характеризует как «a young tearaway» (сорвиголова). Его поведение и угрожающие жесты напомнили Диане об убийце, который совершал свои преступления именно в том месте, поэтому она предприняла попытку оторваться от грузовика и на мгновение решила, что ей удалось это сделать, но антитеза «She laughed out loud with relief. To her right, she could see the steady flow of traffic on the motorway. But then her laugh turned to a scream as she saw the black van cut sharply across the motorway in front of a lorry, mount the grass verge and career onto the sliproad, swinging from side to side» [4, с. 240], создавая эмоциональное напряжение в повествовании, заставляет задуматься о причинах подобного преследования. Риторический вопрос «Had she made the wrong decision?» [4, с. 241] выражает смятение героини, однако мысль «Would a head-on collision be preferable to a cut throat?» [4, с. 241] говорит о том, что Диана была уверена, что её преследуют с целью убийства. Но она всё-таки старалась не поддаваться эмоциям, проявляя значительное хладнокровие и расчетливость, размышляя о дальнейших действиях: «The gate must be open. It must be open. Diana leapt out of the car, screaming, “Daniel! Get a gun, get a gun!” She pointed back at the van. “That bastard’s been chasing me for the last twenty miles!» [4, с. 243–244]. Своего преследователя главная героиня называет «bastard», и именно этот фрагмент в повествовании представляется нам переломным в восприятии читателями образа Дианы – автор последовательно расширяет спектр психологических характеристик героини во время ее движения по трассе, описывая ее как любящую и заботливую мать, верную жену, решительного профессионала, доверчивого и сострадательного человека, а затем создает своеобразный перелом в описании образа, указывая на способность Дианы действовать и высказываться жестко и оскорбительно.

Несмотря на подозрительное поведение, преследовавший героиню человек, как оказалось, хотел ей помочь обнаружить укrywшегося на заднем сидении ее машины убийцу: «In his right hand he held a long-bladed knife with a serrated edge» [4, с. 245].

Анализ показал, что автору данного рассказа удалось создать социокультурное взаимодействие с читателем, вызвать психоэмоциональную реакцию, создав речевой портрет героини на базе таких характеристик, как любящая и заботливая мать, верная жена, отважный профессионал, сострадательный, но в то же время расчетливый и хладнокровный человек. Что касается способов создания речевого портрета, то стоит отметить, что автор указывает на черты главной героини косвенно, в большей степени используя лексические единицы и синтаксические конструкции, которые и создают речевой портрет.

Библиографический список

1. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995.

2. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-01.htm> (дата обращения 19.03.2018)
3. <https://socratify.net/quotes/iogann-volfgang-gete/29020> (дата обращения 19.03.2018)
4. Archer J. Never stop on the motorway // Twelve Red Herrings. – New York.: HarperCollins, 202. - 379 p.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА Р. ДАЛА «THE WAY UP TO HEAVEN»

Д. С. Ненахова

*Студентка,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. This article analyzes the role of linguostylistic devices in creating an imaginative singularity of a short story, and describes the spectrum of linguistic means of various levels which help to create the stylistic originality of the story "The Way Up to Heaven". Linguostylistic devices help any author to immerse the reader in the atmosphere of the story, to underscore the important moments of the narration. The author of this article proves that Roald Dahl is not an exception and that he has his own idiostyle.

Keywords: linguostylistic devices; idiostyle; creative discourse.

Каждое художественное произведение инкорпорирует широкий спектр разнообразных стилистических приемов и средств, создающих выразительность и экспрессивность текста. По словам М. Н. Кожинной, «художественная речь является живым воплощением языка, его реализацией, а следовательно для характеристики художественной речи, а точнее идиостиля того или иного автора, важным будет анализ всех составляющих текста» [2, с. 54]. Лингвостилистические средства помогают автору погрузить читателя в атмосферу произведения, подчеркнуть важные, кульминационные моменты повествования. Создавая действительность в рамках художественного произведения, автор отражает свое собственное видение мира, тем самым проецирует свою картину мира на создаваемое им произведение. «Общепринятое в языке писателя индивидуально отбирается и переосмысливается, преобразуясь в индивидуально-художественный стиль писателя» [1, с. 218]. Роальд Дал не является исключением. Помимо того, что его рассказы знамениты неожиданными развязками, многие его произведения насыщены иронией и «черным» юмором. Его индивидуальный, уникальный стиль отчетливо прослеживается в рассказе «The Way Up to Heaven». Итак, рассказ представляет собой повествование о богатой женатой паре, мистере и миссис Фостер, живущей в Нью-Йорке, в престижном многоэтажном доме. Интродуцируя эпитет «Mr. Eugene Foster, who was nearly seventy years old, lived with his wife in a large six story house in New

York City, on East Sixty-second Street, and they had four servants. It was a gloomy place, and few people came to visit them» [3, с. 1], автор намеренно подводит читателя к мысли о том, что семья Фостеров живет не так уж счастливо и беззаботно, как это может показаться на первый взгляд. Главные черты героев проявляются уже в завязке: миссис Фостер всю жизнь испытывает патологический страх опоздать куда-либо, этот страх влияет на ее действия и взаимоотношения с мужем. Она часто встревожена и раздражена тем, что ей приходится ждать своего мужа, который собирается в последние минуты перед выходом. Со временем она начинает подозревать, что ее муж целенаправленно играет ее терпением. Большая часть внутренней характеристики мистера Фостера становится нам понятной через мнение его жены. Он – человек явно непунктуальный и его совершенно не заботят тревоги и волнения его жены. О страхе миссис Фостер опоздать на любое мероприятие мы узнаем через градацию «All her life, Mrs. Foster had had an almost pathological fear of missing a train, a plane, a boat, or even a theatre curtain» [3, с. 1]. Ее муж умело пользуется этим, заставляя ее вечно ждать его «It was really extraordinary how in certain people a simple apprehension about a thing like catching a train can grow into a serious obsession. At least half an hour before it was time to leave the house for the station, Mrs. Foster would step out of the elevator all ready to go, with hat and coat and gloves, and then, being quite unable to sit down, she would flutter and fidget about from room to room until her husband, who must have been well aware of her state, finally emerged from his privacy and suggested in a cool dry voice that perhaps they had better be going now, had they not?» [3, с. 2]. Благодаря многосоюзию, автор акцентирует долгие сборы мистера Фостера, которые кажутся его жене бесконечными. Риторический вопрос содержит ярко выраженную иронию: мужчина знает о страхе жены и намеренно задает этот вопрос повторно. Не стали исключением и сборы в аэропорт, в связи с отъездом миссис Фостер к дочери в Париж. Пока мистер Фостер находился в своем кабинете, его жена «Mrs. Foster herself, in an old-fashioned fur coat and with a black hat on the top of her head, was flying from room to room and pretending to supervise these operations» [3, с. 2], бегала по комнатам в страхе опоздать на самолет. Данная метафора еще раз доказывает ее патологическую боязнь. Риторические вопросы и повторения в диалоге с водителем указывают на ее волнения и особенности строить высказывания: «“What time is it, Walker?” she said to the butler as she passed him. – “It’s ten minutes past nine, Madam.” – “And has the car come?” – “Yes, Madam, it’s waiting. I’m just going to put the luggage in now.” – “It takes an hour to get to Idlewild,” she said. “My plane leaves at eleven. I have to be there half an hour beforehand for the formalities. I shall be late. I just know I’m going to be late”» [3, с. 2].

Сидя в машине, миссис Фостер замечает что-то новое в голосе мужа, и автор, используя несобственно-прямую речь, озвучивает мысли женщины, предлагая нам подробнее познакомиться с ее внутренним миром: «She

couldn't be sure, but it seemed to her that there was suddenly a new note in his voice, and she turned to look at him. It was difficult to observe any change in his expression under all that hair. The mouth was what counted. She wished, as she had so often before, that she could see the mouth clearly. The eyes never showed anything except when he was in a rage» [3, с. 3]. Добравшись до аэропорта, она в устремляется к информационной стойке и узнает о задержке рейса. Приняв решение остаться ждать в аэропорту, она прощается с мужем. «“Good-bye, dear,” Mrs. Foster said, leaning into the car and giving her husband a small kiss on the coarse grey fur of his cheek. “Good-bye,” he answered. “Have a good trip”» [3, с. 3]. Оксюморон «coarse fur», введенный в нарратив вместо «stubble», выражает иронию, трансформируя коннотативно нейтральное «fur» в лексему с отрицательной оценкой. Эффект нарастающей интриги создается за счет последовательности эллиптических предложений «I'm just going to get a few cigars. I'll be right with you. You get in the car» [3, с. 5]. Метафора «She began hunting frantically in the back of the car» [3, с. 5] показывает, что миссис Фостер уже на грани нервного срыва. Посредством градации и восклицательных предложений, Дал акцентирует степень важности поездки для миссис Фостер: «A peculiar hardness had settled itself upon the features. The little mouth, usually so flabby, was now tight and thin, the eyes were bright, and the voice, when she spoke, carried a new note of authority» [3, с. 8]. В Париже она чувствует себя по-настоящему счастливой и в конце шестинедельного отпуска совсем не печалится, будто чувствует, что вернется сюда снова. Приземлившись в Нью-Йорке, она почти не удивлена тому, что ее никто не встречает. В доме, на полу она видит грудку своих же писем, которые она отправляла мужу раз в неделю. Кроме этого, она замечает странный неприятный запах, однако почти не уделяет этому внимания. Благодаря метафоре, мы видим, что героиня все понимает: «She had the air of a woman who is off to investigate a rumour or to confirm a suspicion. And when she returned a few seconds later, there was a little glimmer of satisfaction on her face» [3, с. 9]. Миссис Фостер не собиралась убивать своего мужа, но когда ей представилась внезапная возможность избавиться от его жестокости и сделать свою жизнь счастливее, она ею воспользовалась.

Примечательно то, что все произведение построено на иронии. Заглавие само по себе представляет первый иронический элемент, дорогой в рай для мистера Фостера оказался лифт. Также иронично, что мистер Фостер сам предвещает свою смерть, ибо именно он настаивает на том, чтобы отпустить слуг в отпуск на шесть недель, пока жена будет у дочери, чтобы сэкономить средства. И именно он возвращается в дом, якобы забыв там подарок для дочери, который на самом деле был спрятан в машине самим же мистером Фостером. То есть мы видим, что главный герой, так или иначе сам отправил себя на смерть, не желая этого.

В заключении хотелось бы отметить, что, проанализировав рассказ Роальда Дала «The Way Up to Heaven» с точки зрения употребляемых в нем стилистических приемов, можно сделать вывод, что преобладают лингвостилистические средства лексического и синтаксического языковых уровней, при этом наиболее часто среди средств лексического уровня используются эпитеты (15 %) и метафоры (15 %), несколько реже ирония (10 %), крайне редко оксюморон (5 %). Что касается средств синтаксического уровня, то наиболее часто вводятся разного рода повторы (15 %) и много-союзиe (15 %), реже эллипсис (10 %) и инверсия (10 %), крайне редко собственно-прямая речь (5 %). Все перечисленные средства формируют стилистическое своеобразие и помогают автору создать и продержать ироничный эффект на протяжении всего рассказа, а также подчеркнуть индивидуальный неповторимый авторский стиль Роальда Дала.

Библиографический список

1. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. - М.: Логос, 2004.
2. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Roald Dahl. The Way Up to Heaven. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:
<http://storage.cloversites.com/christianlifecollege/documents/The%20Way%20up%20to%20Heaven.pdf> (дата обращения 18.03.2018)

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2018 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2018 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2018 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2018 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2018 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2018 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2018 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2018 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2018 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2018 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2018 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2018 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2018 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2018 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2018 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2018 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2018 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2018 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2018 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2018 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2018 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2018 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2018 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2018 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2018 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2018 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2018 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2018 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2018 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2018 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2018 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2018 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов

28–29 октября 2018 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,711, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,104.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,884
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent Islamic University
Belarusian State University
Secondary school № 171, Moscow

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the VIII international scientific conference
on March 25–26, 2018

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 1.04.2018.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 3,6.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz